

Ринат Калимуллин

Про мир, в
котором не
хочу...

Сборник стихов

Ринат Калимуллин

**Про мир, в котором не
хочу... Сборник стихов**

«Издательские решения»

Калимуллин Р.

Про мир, в котором не хочу... Сборник стихов / Р. Калимуллин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837235-3

Это вторая книга автора. Состоит она из стихов разных жанров и написанных в разных стилях. Если внимательно вчитаться, то можно сделать выводы о сущности автора и углов его души, о том, что есть хорошо, а что — плохо, что — добро, а что — зло. Приятного путешествия в душу автора!

ISBN 978-5-44-837235-3

© Калимуллин Р.
© Издательские решения

Содержание

На грани безумства	6
Никогда не открывайте душу	7
Все же странен собой человек...	8
Какие мы люди	9
Бумажки	10
Жалость	11
Зона комфорта	12
Поэту России	13
Много лиц с онемевшей душой	14
Под плачущей ивой	15
Мир	16
Заприте меня...	17
Запылены ноги...	18
Современное рабство	19
Ночь	21
Не трогай красоту!	22
Тяжелые думы	23
Добро – зло	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Про мир, в котором не хочу...
Сборник стихов
Ринат Калимуллин

© Ринат Калимуллин, 2017

ISBN 978-5-4483-7235-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На грани безумства

Когда твой мозг на грани безумства,
Тебе ничуть не понравятся мысли,
Лишь обрывки бывшего искусства,
Вопьются в тебя, будто лисы.

Они высосут все без остатка,
Ты почувствуешь боль от потери,
Так до первого мозга припадка,
Так до жизни под лапами смерти.

И твой мозг не желает победы,
Над своими безумными днями,
И накопятся в днях этих беды,
Не вместятся в правдивые рамки.

Ты совершь, что прекрасные мысли,
Приходят два раза за вечер,
Ты не скажешь, что мозг твой изгрызли,
И гуляет отныне лишь ветер.

Ты захочешь подумать о счастье,
Но оно уж захватит все чувства,
Ведь негоже смеяться в ненастье,
Только глупым смешно от безумства.

Никогда не открывайте душу

Нет, никогда не открывайте душу,
Ни себе, ни близким, ни друзьям,
И если боль осколками наружу —
Идите к богу, громко, к небесам.

Бывайте выше, слушать ваши мысли
Не так легко, как слушать голоса,
И если долго вашу душу грызли
Мы не услышим – слышат небеса.

Наш век веселья, грусти и разврата,
Нас тянет тяжкими печальями ко дну,
Но лишь того, кто думает несладко
И лишь того, кто видит глубину.

Все остальные грузны и велики
И даром душу, даром свою суть,
К ним возлагают грусть,
Мечтанья, две гвоздики
И жизни сладкой сахарную муть.

Всего две капли могут сделать выше
Всего два грамма пущены в висок,
И дождик грузно бьёт тебя по крыше,
И ждет души твоей предательский курок.

Нет, никогда не смейте бить баклушу,
Не врите сказками прекрасным небесам
И никогда не открывайте душу,
Ни себе, ни близким, ни друзьям.

Все же странен собой человек...

Все же странен собой человек,
Будто каждый из разных пород:
Кто-то год проживает за век,
Кто-то век проживает за год.

Одному каждый день минус день,
А кому каждый день минус пол,
Свою роль здесь сценирует лень
И убийца голов – дымный ствол.

Каждый день здесь по-разному груб
Каждый час забирая людей,
А ведь где-то погиб однолюб,
Прикрывая и славя детей.

Каждый день здесь по-своему мил,
И цветами вливает любовь,
Полюбил бы и сам крокодил,
Если б жадно не сдавливал кровь.

Каждый день здесь по-своему слеп
Много разных запутанных троп:
Кто-то год проживает за век,
Кто-то век проживает за год.

Много разных идей и путей,
Каждый может создать новый путь,
Но мы страшно боимся людей,
Оттого новый мир не вдохнуть.

Человек, как воронка реки,
Так же тянется струями вглубь
Мы горим утопая в любви,
А ведь каждый по-своему груб.

И пройдет много сказочных лет,
Будет пройдено много дорог:
Кто-то год проживает за век,
Кто-то век проживает за год.

Какие мы люди

Меняется время, меняются люди,
Меняются мысли, что в сердце из стали —
Чего не сломают и сотни орудий —
Какими мы были, какими мы стали.

Сидит на скамейке девчонка шальная,
Стреляет глазами случайных прохожих,
Что так не похожи, совсем не похожи
На тайных гонцов из великого рая.

В их мыслях порок:
как было бы славно
С ней вместе уйти украшать огород
И там же пахать, и класть в ее рот,
Что в мыслях ее очень грязно – похабно.

Мы видим людей сквозь призму зеркал,
В кривых отражениях каверзных глаз,
И если бы умный так долго молчал,
Его бы убили из низменных фраз.

Все смертно кругом – убили любовь —
Другое клеймо в пороке создав
Как много людей, не нужно и слов —
Какими мы были! Другими не став...

Бумажки

Бумага, бумажки да стоят ли сил
И душ, что уходят проблемы познав?
Одним от бумажек сей свет не мил,
Другим же от них это множество прав.

Вокруг столько сил: Ньютона, земли,
Давления, тяжести, мира весов,
Несчётное множество просто любви
Сердец, что закрыты на ржавый засов.

Ах, юная дева открой же свой взор,
Взгляни на великую правду души,
И сдвинь там немного тот ржавый затвор,
Впусти хоть немного горячей любви.

Тогда и бумага не будет такой,
Настолько сердечной, настолько больной,
И двинется путь сей прекрасной тропой,
Что выберешь нежной влюбленной душой.

Смотри на деревья, они каждый год,
С себя все бросают, чтоб позже одеть,
Ты тоже расстанься от этих забот,
Нагой ты сумеешь хоть мир одолеть.

Жалость

Какая жалость жалеть себя,
И быть тогда хоть немного счастливым,
Так дерзко и мерзко себя любя,
Вместо золота кушать сливы.

Какая жалость браня боль,
Быть педантично бездельно статичным,
На раны закрытые сыпая соль,
Мечтать о здоровье и теле отличном.

Какая жалость быть много пустым,
Не видя в любви продолжения страсти,
Ведь всего-то нужны мосты
И его незабвенные сладкие части.

Какая жалость жалеть себя,
Любить себя и не быть критичным,
И будто высоты высот беря,
Считать себя лучше, сильнее, атлетичней.

Это жалость, поверьте Простая жалость
Напускная тоска жрет печальную грудь,
Надо больше работать – немного осталось,
Работы не любит гнетущая грусть!

Зона комфорта

Дождик под вечер и грома раскаты,
Молний разрывы, разрезанный свет,
Гаснут тревожные общества страты,
Кажется громко, беззвучно, что бред.

Искорки тысячи глаз за раскатом,
Быют напрямик в эту темень толпы,
Мысли собакой залаяли матом,
Не выходя за предел конуры.

Взрывы, сияние, детский восторг,
Визг не привыкших к подобному женщин,
Перед глазами и ясность, и морг,
Мир человека, действительно, тесен.

Лишь выйдя мозгами за конуру,
Увидеть готовы, как все в мире классно:
Смотреть на раскат и не видеть страну,
Не тратить мечты и любовь понапрасну.

Открывши глаза, вдыхать аромат
И видеть, что ясность приходит озоном,
И вот уж не видно ни власти, ни страт,
И уж подчинились природным законам.

Но это чуть-чуть, ненадолго, на время,
Пока гром не уйдет, и не включится свет,
На нас возлагают тяжелое бремя:
Неясности – да, а прекрасному – нет...

Привыкли, сошлись, потерялись дилеммой,
В этом мире без душ, мире липовых лиц,
Для счастья побиться бы с нашей системой,
Выйдя с зоны комфорта и кайфа, где бриз.

Поэту России

Кого же я встречу на грозном пути,
Где листья боятся опать без приказа,
Где лучше смеяться и пить, чем грустить,
И всех захватила дурная зараза?

Куда же поплыть на небес корабле,
Чтоб грузно не пасть в пустоту мироздания?
И как покоряясь проворной судьбе,
Добиться людей мировое признание?

Ах ночь. И лишь утро сверлит телефоном,
Что нужно вставать и не думать про боль,
И мы снова не зная, что значит сурово,
Садимся браня за писательский стол.

Бумага, две ручки, семь образов славных,
Но утром сюжет как обычно один,
Ведь ночь наше время кровавой отравой
Испила до дна, подарив витамин.

Но мыслей аравы пропала советом,
Что дали извечные духа миссии,
И мне тяжело стать известным поэтом,
Как всем, кто творит это чувство России!

Много лиц с онемевшей душой

Много лиц с онемевшей душой,
На большой, безграничной земле.
Не жалею о том, что простой,
Хоть и буду в низах и на дне.

Хоть и буду просить у людей,
Чтоб улыбкою красили взор,
Но не стану на капельку злей,
Когда сердце разграбит мне вор.

И меня не полюбят чуть-чуть,
Буду враг, но не стану другим,
Не найду для себя легкий путь,
Все равно умирать молодым.

Не спрошу про причудливый рай,
Что тревожит людей по сто крат.
Очи вскроет озлобленный май,
Бог отпустит прочувствовать ад.

Лишь тогда я скажу о добре,
Как о светлой обители зла,
Что найдется не в чистой душе,
А в душе, где засела игла.

Чтобы счастье познать на земле,
Надо остро прочувствовать боль,
В этом смысл души на игле,
Где таится твой главный пароль.

Разгадав эту сказку в себе,
Мы не вступим в святые ряды,
Но на неба последней черте,
Наши символы будут просты.

Много лиц с онемевшей душой,
Без иглы сожаления в ней.
Как же рад, что я все же простой
И с душою живу на земле.

Под плачущей ивой

Убейте меня красивою смертью,
Воткните под сердце точенный кинжал,
Забейте до смерти украшенной плетью,
И в душу залейте каленную сталь.

Убейте меня, только жадно убейте,
Мое тело сожгите на страстном огне,
И предсмертные мысли с бумагою слейте,
Убейте меня, как в моем белом сне.

Убейте меня, за всех жадно прошу,
Пусть запомнюсь хоть смертью красивой,
Чтоб оплакивал кто-то, когда я уйду,
Убейте под плачущей ивой...

Мир

От смерти порой спасает лишь то,
Что мир такой злой,
Понять не сумеет сей правды никто —
Довольны собой.

Довольны собой и каждой чертой —
Не станут копать.
Так вычурна фраза: «Останься собой»
В желанье подняться.

Желая подняться над кем-то одним
Потешить себя,
Но странно... погасли в глазах огни,
Других губя.

Других губя ты станешь велик!
Примеров много.
И даже запомнят ехидный лик,
Но лик другого.

Совсем другого, почти не тебя,
Тебя там малость.
Не тешь свою душу других губя,
Чтоб что-то осталось.

Порой так хочется пули в лоб,
Да мир так жалок,
Без грязи греха: на взвод, курок,
И так уж мало...

Заприте меня...

Заприте меня в заброшенной даче,
Ключи проглатите, а окна забейте,
Чтоб эта дорога пришла к неудаче,
Чтоб крыса сидела в запертой клетки.

Покиньте меня, оставьте с позором
Подохнуть, как серая, слабая мышь,
И мой силуэт на дороге узором,
Нарисует художника тонкая кисть.

Умру я, уйду и оставлю пол века,
Другому дожить мою чёртову жизнь,
От белой зимы до кровавого лета,
От черных низов до огромных вершин.

Не бойтесь, найдется подобная сука,
Которой уход мой доход принесёт,
Ах жизни печаль, ах безумная скука,
Когда же настанет у стенки черёд.

Когда же два дула двустволки фашиста,
Мне в голову всадят свинцовый кусок...
А в чьем-то бокале напиток искриться...
Постойте, оставьте, не трожьте висок.

Пока все на небе от счастья летают,
Пока все играют на странной струне,
Мой гений разгадывал важную тайну —
О, как же прекрасно жить на земле!

Запылены ноги...

Запылены ноги лоснятся в ботинках,
Не в силах их грубо нелепо отмыть,
И сколько бы раз не бросали на стирку
Останется грязной напольная пыль.

А судьи кричали словами на выкат,
Что все будет чисто в пропащей стране,
Напрасно на буквы не надобно тыкать,
Готовы ли вы к сей словесной войне?!

Но грязь это славно, приятно по телу,
По мыслям приятно и мозгу щелчок,
Когда опыляешь любую фанеру,
И ей хорошо, как по струнам смычок.

И сколько бы мыть мы не смели пороки,
Вся грязь не уйдет под покровы ночи,
И жизнь почему-то не дарит уроки,
Чтоб можно б сказать: завали, замолчи!

Все кружится кругом поруки земной,
Не спится ночами под грязными снами,
И будто накрыто все толстой фольгой,
И мы собираем свое оригами.

Природа дождями срываясь с небес,
Немного нам дарит красивой печали,
Романтикой моется сорванный бес —
Но отмыться сумеет едва ли.

Современное рабство

Сколько девушек пленных деньгами
Уходят рабыней в царства,
Не зная, что роют сами,
Могилу беды – богатства.

С такими не сваришь кофе,
Не ляжешь спокойно в кровать,
И будешь растравливать Морфий
Ложку, кастрюлю, лопатку.

Мало им будет счастья
Возвышенно-нежных объятий,
Им нужно побольше власти,
Они либеральных партий.

Добились и вышли замуж
За деньги безлюдной волей,
Пусть суженный будет стар уж,
Но денег ведь будет море.

В Париж, на Богамы, в Неаполь,
И ждать может быть не долго,
Чтоб старый отпрянул в некрополь
Оставив в наследство много.

Тогда то и вспомнят сердце,
И нежность влюбленных рук,
Но старое станет тельце,
Уйдет красота и вдруг...

Поймут, что без счастья жили,
И будут искать любви,
И тех, кого может любили
Будут искать в крови.

И вновь она выйдет замуж,
Он будет красив и молод,
Она для него стара уж,
Но будет горда за такого.

Но он, как она, для царства
Клянется в любви до гроба,
По смерти – отдаст богатства —
Набита его утроба.

И так будет все продолжаться,
Пока не иссякнут средства,
Такая вот слава рабства,
Где сердцу не будет места.

Ночь

Мне хочется трогать звезд белоснежные крылья,
Вдыхать то тепло, чем дышат они изнутри,
Их тайны постигнет одна только теми мантилья —
Великая ночь, что силой бежит из груди.

Великая ночь, где Морфия час отстучит,
Где сны затмевают всю глупость объединенной жизни,
Великая дерзкая ночь и ведь только в ночи,
Мы великие стражи, герои родимой отчизны.

И звезды кругом, не просто срастаются в небе
Они говорят, что надо быть много милей,
Когда конюх коню, а конь помогает телеге,
Быть капельку лучше и капельку капель добрей.

Их много и столько на свете таких же «больших» миров,
Немного других, не похожих, но все же таких же,
Где каждый обязан охапки охапок несущеных дров,
Настолько прижать, чтобы мир был отличней и ближе!

Не трогай красоту!

Тепло. Ни шороха, ни ветра,
Ничто не беспокоит грозный взгляд,
Над морем высота в тринадцать метров,
Внизу волна, за ней бескрайний ад.

Вдали мечты сливаясь с горизонтом,
В рай превращают глухую темноту,
Взяв территорию нагую штурмом,
Из ничего создали красоту.

Бездонный вечер, на перекате мысли,
На чистом небе ни одной звезды:
Тигр, пантера и медвежонок гризли,
Трава, цветы, грибочки и кусты.

Кусты, деревья – все в природе ладно,
Круговорот помощников в цепи,
Смотреть на это временно отратно,
В лесу прекрасном, в не пустой степи.

Время тикает, а человек умнеет,
Но природе это ни к чему,
Пусть гражданин в убежище толстеет,
Но не трогает природную красу.

Тяжелые думы

Мальчишке всего восемнадцать лет,
Он в парке погружен в тяжелые думы,
Два года как он непокорный поэт,
И треплет людей очерстневшие струны.

Два года не признан в своем краю,
И бродит с надеждой оттачивать почерк,
Чтоб больше людей оказалось в раю,
Ведь он за добро эти символы строчит.

Не признан никем, но сдаться не в силах,
За каждое слово ударов ответ,
Коль злая судьба предопределила,
Так значит не нужен и взрослый совет.

Все мысли со дна, он старый романтик,
И силой души пишет свой монолог,
И силой души нарисует квадратик,
Который как верный судьбы эпилог.

Не стоит и жить, если ты обыватель,
Со всеми один и главное свой
Лишь в детстве который поэт и мечтатель,
А после такой же как сотни другой.

Парнишке всего восемнадцать лет,
И в парке его ещё свеж монолог,
И пусть не художник, спортсмен иль поэт,
Но должен быть твой через век эпилог.

Добро – зло

Душа мертва, живёт лишь разум,
Он говорит такую фразу,
Что доброта – мечта души,
Она засела там – внутри,
И лишь немногие её способны,
Сквозь сердце молча пропустить,
И чувством правильной истома,
В безумной ярости простить,
А зло – порок! порок душевный,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.